

Список использованной литературы

1. Дубровина, И. В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности / И. В. Дубровина // Вестн. практ. психологии образования. – 2009. – № 3. – С. 17–21.
2. Басалаева, Н. В. Проблема психического и психологического здоровья в отечественной психологии / Н. В. Басалаева // Успехи соврем. естествознания. – 2013. – № 4. – С. 169–170.

Н. В. САМОСЮК

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

РОЛЬ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ХРИСТИАНСТВЕ В КОНЦЕПЦИИ К. Г. ЮНГА

К. Г. Юнг раскрывает специфику интровертного и экстравертного психологических типов личности. В своем исследовании К. Г. Юнг обращается к истории христианства как мировой религии в целом и к отдельным личностям, оказавшим влияние на эту религию.

Ключевой категорией в исследованиях К. Г. Юнга является коллективное бессознательное. Человеческая психика вновь и вновь создает свою действительность. Эту действительность психоаналитик понимает как фантазию, которая одинаково присуща чувству и мысли. Таким образом, фантазию можно определить как наиболее яркое выражение специфической активности человеческой психики. Фантазия выступает в роли своеобразного моста между механизмами экстраверсии и интроверсии. Вместе с тем необходимо отметить, что фантазия всегда содержит и сознательные элементы, однако для нее особенно характерно то, что она по существу произвольна и чуждается содержания сознания. Подобная специфика характерна также и сновидению, которое отличается еще большей произвольностью и отчужденностью от содержания сознания.

Как отмечает К. Г. Юнг, «отношение человека к своей фантазии в большей степени обусловлено его отношением к своему бессознательному в целом» [1, с. 57–59]. В свою очередь, отношение к бессознательному определяется спецификой конкретного исторического периода. Так, в зависимости от степени доминирующего в конкретный период рационализма отдельный человек бывает более или менее способен признавать свое бессознательное и пытаться разобраться с его продуктами в виде фантазий и сновидений.

Христианство, как и все религиозные традиции, представляет собой замкнутую религиозную систему, отличающуюся явной тенденцией

к подавлению бессознательного в личности, что свою очередь приводит к подавлению фантазии, вплоть до ее полного атрофирования.

Вместо свободной фантазии религия дает нерушимые символические формы мировоззрения, которые должны заполнить собой бессознательное индивида и тем самым подавить. «Символические выраженные понятия всех религий суть образования бессознательных процессов в типической общеобязательной форме» [1, с. 60]. Религиозное учение призвано дать исчерпывающие сведения о происхождении мира и человека, его жизни и смерти. Во всех религиозных традициях, где можно на основании первоисточников проследить возникновение религии, мы видим, что образы религиозного учения предстают перед его основателем в виде откровений. Таким образом, откровения можно рассматривать как выражения бессознательных фантазий основателей религий. Формы, появившиеся из глубин бессознательного основателей религий, ими же провозглашаются общезначимыми и закрепляются среди последователей религиозной традиции. Тем самым индивидуальные фантазии последователей заменяются на фантазии, которые основателями были провозглашены общезначимыми.

Форма, в которой Иисус Христос представил миру содержание своего бессознательного, была принята и объявлена общеобязательной. В качестве примера К. Г. Юнг приводит отрывок из Евангелия от Матфея, в котором описано искушение Иисуса дьяволом. Идея царствования, явившаяся из недр бессознательного, встает перед основателем религии как видение дьявола, который предлагает стать земным правителем. По мнению К. Г. Юнга, Иисус Христос не принял конкретности своей фантазии и вступил в мир как царь небесный.

В последующие столетия все индивидуальные фантазии последователей если не совпадали с общеобязательными, то провозглашались ересью и подвергались преследованиям. Так происходило со всеми, кто высказывал свою интерпретацию христианского вероучения, и их сторонниками. Ранняя история христианства представляет собой борьбу с ересями, например арианами, несторианами и т. д. В ветхозаветной, как и в новозаветной частях Библии можно найти многочисленные примеры, в которых звучат призывы не слушать других пророков, которые воспринимаются как лжепророки, так как они свои мысли выдают за мысли Бога.

Подобные тенденции сохранялись и в первые века христианства, когда епископы ревностно трудились над искоренением индивидуального бессознательного у монахов. Так, ценность в этом представляет биография святого Антония, написанная архиепископом Афанасием Александрийским. Это произведение было написано в качестве практического руководства для монахов в борьбе с искушениями в виде призраков и видений,

угрожающих самому ценному – душе монаха, решившего в одиночестве предаваться молитве и посту. Афанасий учит монахов, как избавиться от козней дьявола, умеющего облекаться в разные формы, чтобы погубить их души. Следуя концепции К. Г. Юнга, мы можем прийти к выводу, что дьявол в описании Афанасия Александрийского не что иное, как внутренний голос самого отшельника, идущий от глубин бессознательного, голос возмущения против насильственного подавления индивидуальной природы.

Бессознательное в христианстве, как и в других религиозных традициях, подавлялось и отвергалось. С точки зрения психоанализа в интерпретации К. Г. Юнга, такое подавление заключается в перенаправлении либидо, т. е. психической энергии. Освобожденная энергия, в свою очередь, служила материалом для построения и развития сознательной установки, что постепенно вело к формированию нового мировоззрения. Таким образом, сознательная установка укреплялась. Вместе с тем подобная тенденция привела к отрицательному отношению к бессознательному.

Учение о пресуществлении было санкционировано Латеранским собором 1215 г. и с тех пор составляет незыблительную традицию Католической церкви. Основоположник реформационного движения М. Лютер сформировался в этой традиции. Идея о том, что обряд и его конкретное исполнение имеют объективное значение благодати, противоречит по своей сути евангельскому пониманию, так как евангельское направление именно и выступало против того значения, которое придавала обряду католическая традиция. Однако М. Лютер не мог освободиться от непосредственного воздействующего чувственного впечатления, вызываемого вкушением вина и хлеба. Он не мог допустить, что причастие представляет собой знак, а воспринимал его как факт, чувственно познаваемый, и непосредственное переживание этого факта было для него обязательной религиозной потребностью. В этой связи он настаивал на действительном присутствии плоти и крови Христовой в причастии. Религиозное значение непосредственного переживания объекта было для него так велико, что и представление его было приковано к конкретизму материального присутствия святой плоти. В своих толкованиях М. Лютер обосновывает, что плоть Христова присутствует в причастии безусловно, хотя и непространственно. Опираясь на учение о сосуществовании, он утверждал, что наряду с субстанцией хлеба и вина реально присутствует и субстанция святой плоти.

При этом необходимо принять во внимание, что М. Лютер всей своей деятельностью, которая начиналась как очищение Католической церкви, доказал свою способность освободиться от традиционных форм веры. Возможно, что именно приобщение к материальному во время

причастия своим воздействием на чувства имело для М. Лютера первенствующее значение, которое превышало даже евангелический принцип, утверждающий, что единственным носителем милости божьей является Логос, Слово, но не обряд. Таким образом, это может выглядеть только мнимой уступкой католической церкви, а в действительности же это было обусловленное психологической потребностью М. Лютера признание истинности чувства, основанной на непосредственном чувственном переживании.

Чисто символическое понимание У. Цвингли противоположно точке зрения М. Лютера. Для швейцарского реформатора причастие было только духовным приобщением к плоти и крови Христовой. Подобная точка зрения была обусловлена разумом и идейным пониманием обряда. Преимуществом такого понимания является то, что оно не нарушает евангелического принципа и вместе с тем не впадает в заумные гипотезы. Вместе с тем оно не дает реальности чувственного впечатления и свойственной ему особенной, окрашенной чувством ценности. Несмотря на то, что и у У. Цвингли причащались хлебом и вином, в его понимании не было формулы, адекватно передававшей ту ценность объекта, которая связана с ощущением и чувством [1, с. 72–74].

Таким образом, можно сделать вывод, что бессознательное в религиозных системах всегда выполняет важную роль, так как обладает колоссальной психической энергией, которая может быть направлена на создание принципиально нового. Человеческая психика воссоздает свою реальность постоянно в виде фантазий, которые объединяют в себе чувства и мысли. Основатели религий, в том числе и Иисус Христос, выразили свое бессознательное, которое в последующем стало общеобязательным. Однако в последующие века бессознательное последователей жестко подавлялось. Историю появления ересей можно рассматривать как многочисленные попытки выражения бессознательного, которые пресекались Католической церковью. Появление протестантизма как нового направления в христианстве можно осмыслить как выражение бессознательного в виде новых форм.

Список использованной литературы

1. Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. – 2-е изд. – Минск : Харвест, 2017. – 528 с.